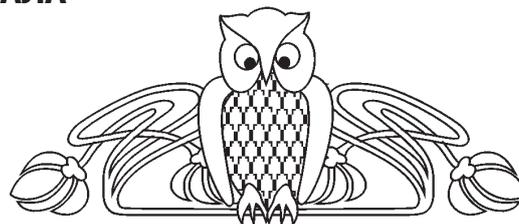

УДК 1:316

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Орлов Михаил Олегович – доктор философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: orok-saratov@mil.ru

Один из главных призывов наступающей эпохи сводится к поиску собственной индивидуальности. И этот поиск ведется по уже заранее заданной схеме: индивидуальность оказывается всего лишь проекцией той или иной модели. «Быть собой» значит исповедовать тот или иной стиль. В современной западной цивилизации человеческий капитал не сводится к грубым функциональным моделям, которые были во многом характерны для индустриальной стадии ее развития. С закатом культуры, выстроенной под знаком тотальной функциональности, перед людьми открываются перспективы нового обретения себя, нового и более разнообразного применения своих способностей, нового психосоматического опыта. Человеческая телесность и бессознательные влечения становятся капиталом в условиях социального кризиса.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальная динамика, кризисный социум, философия телесности, бессознательное.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-281-286

В общественном сознании устойчиво укоренился априорный факт, что мы живем в осевое время, прерывающее привычную связь времен. Однако за всем этим стоит разночтение, где и в чем именно заключена принципиальная суть этого перелома, хотя степень определения вопроса коррелирует с психологической отдачей от встречи с будущим: от четкого понимания до полной фрустрации. Попытки охватить ход событий в планетарном масштабе не теряют своей остроты со времен «Заката Европы», а в последнее время новейшая история оценивается с позиции глобализации, фиксируя ускорение и укрупнение событийного потока. Однако скоростное мелькание смазывает картину и вводит в заблуждение, не давая осознать, что принципиальная новизна в данном ракурсе – лишь скорость воспроизведения – количественная сторона, и как бы это ни было значительно, но для цельной оценки эпохи недостаточно. Уникальные особенности эпохи можно выявить лишь в качественных оценочных категориях, ухватив складывающийся архетип новой эпохальной единицы. Только таким образом возможно оценить, воплощаются ли наконец эсхатологические чаяния или мы наблюдаем лишь процесс отслаивания рудиментарных элементов эпохи.

Каким же образом возможно умозрительно охватить эпоху? Простое разложение тех или иных объективных явлений в системе переменных идентичного порядка существенного результата не обеспечит: всю систему необходимо рассматривать сквозь призму «человеческого фактора». Мы живем в век не только и не столько информационно-технической, но антропологической революции: осевая линия пересекает такие феномены, как человеческое тело и психика. Именно с этой точки совокупность происходящего имеет шанс быть оцененной, как оригинальная историческая целостность.

Современная философия трактует эту оригинальность не напрямую, но через осмысление от противного: путем отбрасывания сути классического сознания пытается сформировать суть сознания постклассического. Базовым утверждением при данном подходе является определение новоевропейской философии, в том числе, в качестве прообраза психологии, как философии сознания. Именно философия сознания, торжество разума было обозначено европейской цивилизацией Нового времени защитным механизмом перед страхом жизни, способом преодоления безразличия и холодной неподатливости мира. Краеугольный камень любой цивилизации – ответ, который она дает на такую фактически неразрешимую для человека проблему, как жизнь. Вариантов может быть много, один из них: передача своей судьбы в руки всемогущего Бога как вседержителя смысла бытия.

Социокультурной новацией новоевропейского сознания стало оценивание человеческого капитала через призму производительного труда. Произошло концептуальное утверждение труда в качестве лекарства от страха. При этом труд несет принципиально иной характер, нежели он осмыслялся в древности – как наказание, принуждение обездоленных обеспечивать славу благородно-рожденным. В новоевропейском сознании труд приобретает характер аскетического религиозного служения ради преодоления неформальности внешнего материала, его окультуривания в гармоничную и комфортную среду обитания.

В первую очередь этому послужил миф о трудолюбии как высшей и универсальной добродетели, несмотря на то, что она исторически весьма молода. Например, античность была уверена в том, что труд – это удел рабов, которые именовались «говорящим орудием», а свободный человек должен ценить достоинства возвышенного досуга выше бытовой суеты. И это далеко не единственный исторический пример, когда идея недеяния обладала значительно более высоким статусом, чем труд. Естественно, что с появлением новой господствующей идеологии труда как добродетели потребовались соответствующие психические формы его обеспечения, каковыми стали формы логического мышления, при помощи которых можно выстраивать умозрительные аналоги действительной взаимосвязи явлений.

Классика новоевропейской культуры воплотилась в философии и психологии сознания, поскольку постигающее себя мышление стало тождественным природе человека, став негативной моделью следующей исторической ступени развития. Тем не менее даже логически выверенные системы в психологической науке обладают лишь условно-инструментальным характером, поскольку человеческая психика – суть транзитивы, но не субстантивы, которые поддаются осмыслению только через последовательность исторических переходов в форме диалектического отрицания предыдущего, при этом даже общие особенности психики еще остаются проблемными и не прояснены до конца.

Психология сознания – это локальный ответ человеческой культуры на подсознательную жажду победы над страхом. Реакцией на экзистенциальный страх перед жизнью стал культ производительного труда. Это сознание, воплощенное в экстенсивном окультуривании «данного природой для человеческих нужд», мимикрировавшее под психику вообще, окончательно оформилось в идею всеислия опытной науки научно-технического прогресса, где иные разделы психологии играли роль вспомогательной пропедевтики.

Более того, с возведением в ранг царицы культуры рационального сознания были вынесены за скобки как излишества, а то и вовсе табу, все нерационализованные сферы психики: телесные удовольствия, искусство, общение и досуг, если они не были связаны с производительной деятельностью. В результате среднестатистический человек, получая удовольствие через удовлетворение своих желаний, вне общественно-полезной деятельности ощущал моральную вину. Феномен господства рационального сознания и производительного труда как наивысшей

его ценности усугубляется еще и следующим фактором: человек – существо социальное, не мыслимое вне коммуны, на благо коей и должна быть направлена его деятельность. В рамках коммуны собственное удовольствие выстраивается по остаточному принципу. С другой стороны, коммунальная модель поведения – исторически сложившийся способ выживания человечества. Индивидуалистическое сознание стало возможно лишь после становления постиндустриального общества, когда выживание отдельного человеческого индивидуума не зависит от окружающего социума напрямую. При этом мораль в обществе рационального сознания приобретает подчеркнуто запретительный характер. Крупнейший авторитет классической философии сознания называет моральным лишь тот поступок, который совершается вопреки желанию. Поэтому моральное сознание – это переживание энергии волевого усилия, приложенного к преодолению естественных желаний, ради общественной и рациональной пользы [1, р. 10].

Общий закон общественной морально оправданной деятельности можно при этом выразить в одном явлении – эквивалентности. Некоторое количество волевой энергии обменивается на соответствующее количество полезного продукта, поддерживающего жизненный комфорт. Такова модель человеческой капитализации. Она воспроизводится и в общении, в форме рыночного обмена равными воздаяниями, и в государственно-политической сфере в форме справедливого в рамках юридического сознания возмездия за содеянное, и даже в сфере семейных отношений, где секс принимает формы квазитрудовой семейной обязанности ради поддержания здоровья и продолжения рода.

Неслучайно классическое буржуазное общество названо представителями структурализма – дисциплинарным. Ядром буржуазного общества стало беспрекословное следование праву. Именно поэтому апофеозом Реформации, которая нашла опору именно в зарождавшейся буржуазной идеологии, стало пуританство. Эта модель общественного сознания оказалась настолько эффективной, что за пару столетий превратила Европу в хозяйку мировой цивилизации, рассматривающей свой рационализм как единственно верный вектор развития всего человечества, а рационализация и технологизация выступали формами человеческого прогресса.

Однако целостность основанной на культе труда и разума картины мира и беспрецедентная эффективность такого союза в деле окультуривания бытия, построения общества всеобщего благоденствия и преодоления фобий перед жиз-

нию привело классическое сознание буржуазного общества к необычайной самоуверенности. Возникло устойчивое убеждение, что общество, в котором мы живем, есть конечная точка мировой истории, а не одно звено из цепочки сменяющихся исторических состояний. Ошибка такого сознания – восприятие человека в рамках понятий уходящего в небытие индустриализма, а также уверенность, что просвещенный и освобожденный человек сам непринужденно заживет по законам труда и разума. Однако получив свободу и почти неограниченные возможности, человечество утратило страх перед жизнью, но оказалось перед лицом рационально непреодолимого страха – страха перед смертью. Выстраивание цепочки элементов стратегической психологии в форме линейки – страх перед жизнью – скука, апатия, одиночество – это заблуждение, поскольку в одном смысловом контексте с жизнью находится идея смерти: все остальное – лишь уточнение этих конечных констант.

Испокон веку защитой человечества перед страхом смерти была такая универсальная система, как религия, ядром которой является вера в бессмертие души. Религия – феномен, задолго предвещающий появление общества рационального сознания, поскольку страх перед смертью первичен по отношению к страху перед жизнью. Страх перед жизнью – это атрибут более-менее предсказуемого бытия, поэтому он и возникает с появлением сложных обществ. А философия сознания сумела развести эти два экзистенциальных столпа в параллельные сферы. В результате страх перед жизнью как сфера внешняя на несколько столетий перекрыл страх перед смертью, объявив религию анахронизмом. Вера в загробный мир как гарант базового инстинкта самосохранения стала отступать, сначала под натиском «научной» картины мира, потом под секулярными квазирелигиями, примером которых может быть сталинский марксизм или гитлеровский нацизм. После крушения тоталитарных псевдорелигиозных режимов были предприняты попытки реанимировать традиционные культы, которые выглядят для современного человека если не экзотической бессмыслицей, то лишенными внутреннего огня церемониями.

При этом современный человек нуждается в утешении как никогда прежде. Ушел в прошлое всепоглощающий напряженный труд ради выживания, человек живет долгой, но крайне непредсказуемой жизнью, изобилующей досугом, где есть широкий простор для размышлений о конечной точке бытия. Страх смерти остается рационально неразрешимым, при этом человек отучен получать утешение в религии. Поэтому,

идя на поводу защитных реакций психики, он сублимирует страх в более сильную, а главное – приятную и доступную эмоцию – сексуальную, которая в определенных исторических условиях становится формой человеческого капитала. Зародившись как сила беспрецедентной эффективности, которая направлена на привлечение к воспроизводству, у индивидуума эта психосоматическая реакция обособилась от репродуктивных функций и в филогенезе стала физиологической основой для первичной формы духовно-символической деятельности, устанавливающей связи, исключая страх и агрессию, а затем перерастающие в личную привязанность духовного свойства [2, с. 93].

На примере некоторых народов можно наблюдать, насколько велик эмоциональный потенциал такого рода взаимоотношений: свободные от забот о хлебе насущном, люди заняты, прежде всего, друг другом, и во главу угла ставятся либо взаимное уничтожение, либо межполовые отношения, в том числе и в первичной социализации, поскольку основой воспитательного процесса становится обучение навыкам войны и/или умение доставлять удовольствие друг другу [3, р. 22].

Логично, что при торжестве культа целерациональной деятельности столь яркие эмоции, способные перекрыть все прочие, не могли быть выпущены из-под контроля. Благодаря религиозной запретительной морали нравственное поведение фактически сводилось к соблюдению ограничений, вытесняя плотские помыслы за грань социальной практики и сознания, а отношения вне брака – за рамки официальной культуры. Последующая секуляризация привела к утрате сакрального смысла таких практик, как аскетизм и воздержание до брака, что обусловило серьезные проблемы в пространстве светской культуры. В итоге буржуазное общество, утратившее христианские ориентиры, оказалось невротическим, на что обратил в свое время внимание З. Фрейд и его последователи.

Под властью норм секулярной запретительной морали половое общение было обезличено и технологизировано. Однако женская эмансипация, возникшая в богемных салонах Серебряного века, привела в середине прошлого столетия к сексуальной революции и легитимизовала все возможные формы удовольствия. Половое общение усложнилось, обнажив неведомые ранее пласты. Открылся неожиданный факт, что психология влечения не менее сложна и парадоксальна, чем психология мышления, а сами влечения приобретают форму человеческого капитала. Современные исследования психических процессов мозга показали, что, казалось бы, элементарные

интимные переживания моделируются гораздо сложнее, чем высшие мыслительные процессы. При этом они обладают качественным индивидуальным характером, поэтому любые изменения в психике, затрагивающие интимные сферы человеческой жизнедеятельности, становятся необратимыми. Либерализованная половая мораль возвела эротические эмоции в точку отсчета современной человеческой психики, сделав их внутренним подтекстом человеческого общения, а значит ориентиром для выбора форм капитала. В этом контексте человеческий капитал оказывается подчинен логике культы молодости, поэтому конструирование модели «стратегической экономики» без учета этой новой доминантной точки обречено на неудачу. Современные психосоциальные процессы выражены в интериоризации: изменении человеческой природы через «перехлест» внешнего, телесно-процессуального во внутреннее, процессуально-психическое. В итоге секулярная культура формирует образ героя нашего времени: это человек отнюдь не умный и нравственный, но способный быть молодым и красивым (при этом возраст становится категорией функциональной), умеющий доставлять удовольствие и себе, и другим, пользующийся своим телом как универсальным инструментом наслаждения, причем это явление принципиально отличается от гедонизма античности. Центр удовольствия и главная зона восприятия удовольствия и удовлетворения современного человека – это мозг.

Капитал влечений, как еще вчера капитал труда, начинает поглощать все обозреваемые сферы жизни, выстраивая очередную историческую целостность. Труд как настойчивая систематическая деятельность по преодолению сопротивления материала с целью превращения его в товар сегодня лишается всякого пафоса, становясь, по мнению масс-медиа, делом «второсортных» людей, таких как гастарбайтеры, обслуживающий персонал, «офисный планктон» или работники социальной сферы. Престижным становится «творческий труд», который мыслится как сублимация сексуальной энергии. Модель такого труда перерастает в различные формы манипуляций символами ради обладания неким ускользающим симулякром. Подобные эффекты мы наблюдаем в виртуальном пространстве, в мире высокой моды или игры на бирже, такой спецификой обладает в глобализирующейся экономике и супердорогой сервис. Атрибутом новой эры как «эры удовольствий» становится услуга, в отличие от предыдущей эры труда, знаменем которой было производство. Отсюда так прочно вошли в оборот учреждений образования и

культуры понятия: «образовательная услуга» или «эффективная коммерческая реализация Art-проектов» [4, р. 155].

На этих же принципах выстраивается и «творческий» образовательный процесс, который формирует у учеников впечатление, что учиться можно играя, получая удовольствие, просто раскрепощаясь и следуя за учителем – творцом. Царицей нематериальной сферы становится идея-симулякр: неважно чего, уникальной ли дизайнерской находки из ничего или эффективного и эффективного имиджа для провального политика или неликвидной продукции. Все остальное становится работой для «негров», пусть даже и высокообразованных.

Энергия соблазна и влечений не обошла стороной и политическую жизнь современного общества, причем не только в феномене «соблазнительного политика», которому положил начало Дж. Кеннеди, но и самих принципах политического управления. Классический буржуазный принцип «надзирай и наказывай» сейчас уже неэффективен, даже апелляция к здравому смыслу и осознанной выгоде сегодня немногого добьешься. Сегодня эффективный политический и экономический менеджмент кроется в умении управлять энергией иррациональных человеческих влечений по принципу «соблазняй и манипулируй», чтобы зону контроля вывести в принципе за пределы осознания человеческой массы.

Конечно, новая эпоха началась не вдруг – ее предпосылки развивались в течение всего прошлого века. Начало было положено западноевропейской секуляризацией ценностей и последующим освобождением человеческих влечений из-под контроля морали. Технологии виртуализации и информатизации способствовали дальнейшим моделям освобождения, таким как постепенное превращение информации в полноценный товар и появление потребителя с досугом, и постепенное обнажение женского тела, и проникновение сложной техники в бытовую сферу, и замена материи на энергию в физике, появление философии постмодерна, и ренессанс психологии бессознательного, чьим предметом становится то, что ранее считалось несущественным, а то и вовсе неприличным, и легитимация свободных желаний в искусстве. Общий знаменатель этих трансформаций выразился в сетевом конфигурировании социальной реальности, открывающей индивидуальному субъекту возможность чуткого восприятия своих желаний. Но окончательное формирование адекватной для психологии влечений материально-технической базы происходит с удвоением податливой действительной реальности и превращением её в виртуальную, где же-

лания становятся одновременно и образами этой реальности, атрибутами сетевого общества, где, как в первобытном хаосе, партиципирование может происходить по самым невероятным критериям. Иначе говоря, для философии интересны те объективные процессы, которые запущены сетевой глобализацией.

В понятиях неоконсервативной идеологии произошла замена эры труда, с ключевой ролью сознания, эрой свободных влечений, где во главу угла ставятся, прежде всего, бессознательные механизмы психики [5, с. 57]. На уровне социальной реальности – это культивирование либеральных идей, являющихся маской, ширмой, прикрытием для вседозволенности как на уровне международной политики США, так и на уровне индивидуальных субъектов, стремящихся найти оправдание своих аморальных желаний или даже преступлений. Вообще дихотомия в стиле хорошо/плохо при рассмотрении столь масштабных явлений – неуместный подход. Эпохи морально неменяемы, как минимум, потому, что их не выбирают. Оценка эпохи и, собственно, эпоха – разбросанные во времени явления. При этом гегелевское понимание свободы как меры общественного прогресса сохраняет актуальность и для постиндустриальной эры. Однако опасность этой свободы не в том, что она снимает внешние ограничения с мира человеческих влечений. Свобода представляет угрозу, когда приложена к устаревшим индустриальным ценностям, которые определяют развитие наращиванием производственных объемов вещных богатств, прежде всего. При этом доступные средства для прогрессивного производства на сегодняшний день практически безграничны. Дурная бесконечность перепроизводства замыкается лишь на одном препятствии – потреблении. Преодоление этого препятствия становится смыслом существования субъекта и единственной исполненной страсти задачей. Человеческий быт забит вроде бы нужными, но явно ненужными вещами, а индустрия торговли демонстрирует невиданное богатства выбора. Но производство продолжает работать по нарастающей, превращая купленное вчера в сегодняшний мусор. На сегодняшний день самой острой проблемой является это превращение цивилизации в тотальную свалку потребления. Та же самая логика распространилась на отношение к идеям и ценностям. Утрата опыта приобщения к священному и подлинному бытию децентрирует все человеческие стратегии и желания, обрекая человечество на неминуемый реальный Апокалипсис.

Однако если невозможно блокировать рост потребностей, искусственно стимулируемый

перепроизводством, может быть, следует заменить его ростом иных потребностей, столь же эмоционально насыщенных, но не требующих максимума предметного оснащения [6]? Если взглянуть на проблему с иной стороны, можно предположить, что современность не только поставила человечество перед глобальной проблемой, но и нащупала пути ее разрешения? И потребности, следующие из человеческих влечений, можно противопоставить страсти к предметно-вещным накоплениям?

Сфера бессознательного, в отличие от сферы сознания, которая прозрачна для познающего разума, нуждается либо в специальном анализе в целях переключивания бессознательных психических процессов на язык дискурсивного мышления, либо в символической персонификации психических процессов с дальнейшим моделированием в форме драматического действия [7, с. 57]. Это варианты только у порога сферы бессознательного, где находится сегодняшняя наука, за которым нас ожидает немало пока еще не явленных горизонтов.

Наконец, на базе именно психологии бессознательного возможна новая стратегия управления человеческим капиталом, которая не будет запрещать какие-либо действия, но девальвировать их через позиционирование более адекватных обстоятельствам, эмоционально позитивных. При этом психология бессознательного не является безусловной альтернативой психологии сознания, но, подобно разным слоям человеческой психики, надстраивается и дополняет одна другую, однако это уже тема отдельного исследования.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009).

Список литературы

1. *Frega R.* Between Pragmatism and Critical Theory : Social Philosophy Today // Human Studies. October 2013. P. 6–29.
2. *Иванов А., Дорошин И.* Идеологический и политический дискурс религиозного фундаментализма в обществе риска // Власть. 2012. № 11. С. 92–96.
3. *Rehg W.* The social authority of paradigms as group commitments : rehabilitating kuhn with recent social philosophy // Topoi. April 2013. Vol. 32, iss. 1. P. 21–31.
4. *Barnard R.* Philosophy as continuous with social science? // Metascience. 2014. Vol. 23, iss. 1. P. 153–156.
5. *Орлов М. О.* Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 54–59.

6. Демидова М. В. Социально-философское обоснование теории символического капитализма // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 20–23.
7. Орлов М. О., Данилов С. А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества // Философия и общество. 2008. № 4. С. 126–131.

Transformation of Human Capital in a Crisis Society: Social-philosophical Analysis

М. О. Орлов

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: orok-saratov@mil.ru

One of the main appeals of the coming epoch is reduced to finding its own identity. And this search is already on a predetermined scheme. Individuality is merely a projection of a particular model. «Be yourself» means to practice a particular style. In modern Western civilization, human capital can not be reduced to a gross functional models that were largely characteristic of the industrial stage of its development. With the sunset of culture, built under the total functionality of the sign, in front of people opening new perspectives gained themselves a new and more varied use of their abilities, the new psychosomatic experience. The human body and the unconscious desire becomes capital in conditions of social crisis.

Key words: human capital, social dynamics, crisis society, philosophy of physicality, unconscious.

УДК 167.7

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ АНТРОПОГЕНЕЗА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Устименко Дмитрий Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления, Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики (г. Ростов-на-Дону). E-mail: UstimenkoD2006@yandex.ru

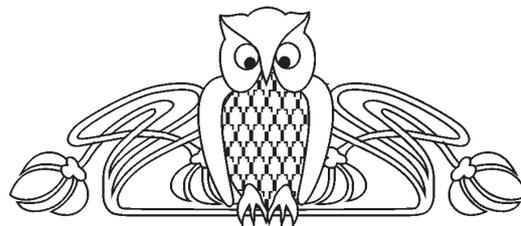
Статья посвящена осмыслению феноменологического понимания времени как антропогенетической категории. Показывается, что субъективное время не изменяет формы опыта человека. Феноменологическая структура времени идентифицирует человеческое бытие, сохраняя его целостность. Время сохраняет форму изначальности и ее основных структур, интенций восприятия, памяти, мышления. Указывается на абсолютную синтетичность формы времени, позволяющую говорить об ее отсутствии. Доказывается, что время не «развивает» и не «эволюционирует» человека. Делается вывод о мгновенности происхождения человека, когда время само начинается и «сопутствует» его феноменологической истории.

Ключевые слова: антропогенез, феноменология, темпоральность, идентичность, мгновенность, событие.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-3-286-292

References

1. Frega R. Between pragmatism and critical theory: social philosophy today. *Human Studies*. October 2013, pp. 6–29.
2. Ivanov A. V., Doroshin I. A. Ideologicheskii i politicheskii diskurs religioznogo fundamentalizma v obshchestve riska (The ideological and political discourse of religious fundamentalism in a risk society). *Vlast (Power)*, 2012, no. 11, pp. 92–96.
3. Rehg W. The social authority of paradigms as group commitments: rehabilitating kuhn with recent social philosophy. *Topoi*. April 2013, vol. 32, iss. 1, pp. 21–31.
4. Barnard R. Philosophy as continuous with social science? *Metascience*. 2014, vol. 23, iss. 1, pp. 153–156.
5. Orlov M. O. Etika diskursa kak osnova strategii sotsializatsii v globaliziruyushchemsya mire (The ethics of discourse as the basis of socialization strategies in a globalizing world). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 54–59.
6. Demidova M. V. Sotsial'no-filosofskoe obosnovanie teorii simvolicheskogo kapitalizma (Socio-philosophical foundation of symbolic theory of capitalism). *Filosofiya prava (Philosophy of Law)*, 2015, vol. 4 (71), pp. 20–23.
7. Orlov M. O., Danilov S. A. Rol' kommunikatsii v politicheskoy zhizni sovremennogo obshchestva (The role of communication in the political life of modern society). *Filosofiya i obshchestvo (Philosophy and Society)*, 2008, vol. 4, pp. 126–131.

Проблема антропогенеза издревле находилась в центре внимания человека. Древние религиозно-мифологические системы народов сосредоточивались вокруг идеи творения, связывая с ней практику духовного возрождения и выстраивая соответствующие эсхатологические представления. Возвращение к истокам, к Бытию, осуществление «анамнезиса истины» теоретически напряженно сопровождает всю философскую и научную традиции. Однако современное знание в этой области остается гетерогенным, несвязанным, что в «эпоху глобализации» не может не сказываться на характере мировоззренческого отношения к своей изначальной сущности и, как следствие, нравственном состоянии человека.